

Кометчиков Игорь Вячеславович

СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ НА СЕЛЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ 1945 – НАЧАЛА 1960-Х ГГ.: РАСПРОСТРАНЕНИЕ И РЕЦЕПЦИЯ НАСЕЛЕНИЕМ

В статье исследуется динамика распространения советских праздников и обрядов на селе Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг. с точки зрения связи политики их продвижения и рецепции населением. Основное внимание уделяется анализу факторов, повлиявших на изменение этой связи в диапазоне от директивной трансляции советского праздничного канона в первые послевоенные годы до слияния традиционного и нового в официальной праздничной культуре на рубеже 1950-1960-х гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-2/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. II. С. 98-106. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 709 с.
2. Вагина О. С. Отношения долевого строительства как объект частноправового регулирования [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. 2012. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Ершов О. Г. О применении договора участия в долевом строительстве // Право и экономика. 2009. № 2. С. 24-27.
4. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. 238 с.
5. Кряжков А. В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10. С. 91-99.
6. Курзински-Сингер Е. Соотношение частноправовых и публично-правовых элементов при регулировании предпринимательства в Германии // Гражданское право и предпринимательство: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (в рамках Ежегодных Цивилистических чтений), посвященной 90-летию видного казахстанского ученого-цивилиста Б. В. Покровского и 20-летию Юридической фирмы «Зангер» (Алматы, 31 мая — 1 июня 2012 г.). Алматы, 2012. 592 с.
7. Сойфер Т. В. Частные и публичные интересы: проблемы квалификации // Новое в гражданском законодательстве: баланс публичных и частных интересов: мат-лы для VII ежегодных научных чтений памяти проф. С. Н. Братуся. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИД «Юриспруденция», 2012. С. 25-39.
8. Филиппова Е. С. Проблемы реализации приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» [Электронный ресурс] // Законодательство и экономика. 2006. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**LEGAL INTERESTS CORRELATION IN CONTRACTUAL RELATIONS
MEDIATING REAL ESTATE OBJECTS CREATION**

Kozlova Elena Borisovna, Ph. D. in Law, Associate Professor
The Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice
kozlova@urexpert.ru

In the article the problem of legal interests correlation in contracts aimed at real estate objects creation is considered. As a result of qualifying signs research connected with the subject composition of such contracts as investment contract, contract on built-up area development, building contract, contract on participation in share building and concession agreement these contracts classification is worked out according to such criterion as prevailing legal interest.

Key words and phrases: legal interest; investment contract; contract on built-up area development; building contract; contract on participation in share building; concession agreement; real estate objects creation.

УДК 316.323.72

Исторические науки и археология

В статье исследуется динамика распространения советских праздников и обрядов на селе Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг. с точки зрения связи политики их продвижения и рецепции населением. Основное внимание уделяется анализу факторов, повлиявших на изменение этой связи в диапазоне от директивной трансляции советского праздничного канона в первые послевоенные годы до слияния традиционного и нового в официальной праздничной культуре на рубеже 1950-1960-х гг.

Ключевые слова и фразы: село Центрального Нечерноземья; советские праздники и обряды; рецепция официального праздника; культура советской деревни; повседневность; власть.

Кометчиков Игорь Вячеславович, к.и.н.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
kometchikov.igor@mail.ru

**СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ НА СЕЛЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ
1945 – НАЧАЛА 1960-Х ГГ.: РАСПРОСТРАНЕНИЕ И РЕЦЕПЦИЯ НАСЕЛЕНИЕМ[©]**

Распространение ценностей официальной культуры является одним из наименее изученных сюжетов взаимоотношений власти и общества в советскую эпоху. Это в полной мере относится к официальной праздничной культуре. В советской литературе её формирование соответствовало периодизации истории СССР: прогресс социалистических производственных отношений определял широту и глубину распространения советских праздников, а также вытеснение ими «пережиточных» форм праздничной культуры [25, с. 40-42; 66, с. 208-210]. При этом осмысление продвижения советских праздников опережало анализ их рецепции обществом. Для современных исследователей советской праздничной культуры она – результат конструктивного в целом «диалога» власти и общества, «сплав» новой и традиционной праздничных культур, в результате которого уже в 1920-1930-е гг.

оформляется иерархизированный «гибридный» праздничный ландшафт и широкий спектр форм его рецепции – от отторжения до активного участия [40, с. 26-28, 136-165; 54, с. 204-250]. Официальные праздники послевоенного времени изучены слабее и в основном на материале города [32, с. 258-299; 54, с. 341-351]. На селе их утверждение фиксируется в 1960-1970-е гг., причем параллельно с существованием религиозных праздников [54, с. 346-347]. Поэтому представляется актуальным проследить распространение советских праздников и обрядов на селе Центрального Нечерноземья в середине 1940-х – начале 1960-х гг. с точки зрения взаимосвязи политики их продвижения властью и рецепции населением.

Выбор середины 1940-х – начала 1960-х гг. в качестве временных рамок исследования не случаен: в это время особенно интенсивно происходили сдвиги в социальной структуре села, знаменовавшие завершение перехода от аграрного к индустриальному обществу [3, с. 22] и требовавшие новых социальных регуляторов, в том числе и в культуре досуга. Одним из них стали официальные праздники.

В первые послевоенные годы, когда был достигнут пик внеэкономического изъятия ресурсов деревни, а основным инструментом аграрной политики являлся административный нажим, государство почти не уделяло внимания развитию здесь официальной праздничной культуры. В отличие от города деревня почти не знала выходных дней и официальных праздников как «праздного» времени, полностью свободного от труда. Из 19 «всенародных памятных дат и праздников», перечисленных в «Справочнике агитатора» (1949 г.), 12 были установлены в 1930-е – первой половине 1940-х гг. и являлись государственными, военными и профессиональными «индустриально-техническими» праздниками. Прочие были учреждены ещё раньше и представляли собой государственные, революционные праздники и дни солидарности [35, с. 374-388]. Спектр возможностей проведения досуга в рамках государственных институтов культуры вообще был узким и рассчитанным на свободное время в течение трудовой недели.

Периферийное положение села в установленной властью системе ценностей подчеркивалось отсутствием в официальном календаре праздников сельской тематики. В сборниках методических материалов для работников сети культпросвета рекомендации по организации «культурного отдыха и развлечений» были отделены от более «серьёзных» мероприятий с выраженным политическим подтекстом [Там же, с. 306-309]. Хотя традиции многих сельских клубов Московской области называлось проведение народных гуляний в дни общегосударственных праздников, а также «Праздников урожая» [27, с. 31; 35, с. 306-307], правильное говорить о «передовом опыте» экономически крепких колхозов, располагавших для этого значительными материальными ресурсами. В абсолютном большинстве сельских районов Центрального Нечерноземья в 1945-1953 гг. такие праздники были редкостью. В Жиздринском, Спас-Деменском и Ульяновском районах Калужской области, как и в сельских районах других регионов [64], празднование даже таких дней, как 7 ноября, выборы в Советы или суды, отличалось от отдыха в будни «торжественной частью», состоявшей из доклада на сессии сельсовета, и «художественной частью» – специально подготовленным выступлением творческой самодеятельности в сельском клубе или школе, детским утренником и работой буфета. Прочие его составляющие (танцы, вечера молодёжи и организуемые при наличии условий киносеансы) были привычным атрибутом досуга и в будни. Празднование происходило в основном на базе местных учреждений культуры, сельсовета, школы, что значительно ограничивало число участников официального торжества.

Центром официального праздника был райцентр, где концентрировались демонстрации, митинги, праздничная торговля и выступления коллективов художественной самодеятельности, а «центром центра» – районный дом культуры, в котором проводились торжественное заседание и закрытый праздничный вечер для руководства. Материалы районных совещаний по подготовке празднования 35-й годовщины Октября свидетельствуют о «комплексном» подходе: список мероприятий включал в себя не только приобретение кумача, изготовление транспарантов, инструктирование докладчиков и агитаторов, подготовку оркестра и праздничного «культурного обслуживания», но и «усиление работы по надзору и расстановке кадров», а также «освобождение от людей, не внушающих доверия» [11, д. 104, л. 48, 49, 50; 12, д. 48, л. 32; 14, д. 327, л. 24-26; 15, д. 103, л. 6-7]. Празднование на селе 8 марта, 18 марта (День Парижской коммуны), 22 апреля (день рождения В. И. Ленина) и т.п. проводилось с несравненно меньшим размахом, ограничиваясь торжественным заседанием в сельсовете, беседами агитаторов, выпуском стенгазеты, стимулированием «трудового подъёма» населения [10, д. 56, л. 8; 13, д. 37, л. 6, 7, 40].

Неразвитость советской праздничной культуры, «невнимание» государства к неофициальной части советских торжеств на селе в первые послевоенные годы объективно усиливали роль традиционных практик в их рецепции: продолжал жить мощный пласт традиции религиозных праздников (уже довольно обмирщённых), включавшей «гуляние», обычай гостевания, застолье с большим количеством спиртного. Редкое официальное мероприятие на селе обходилось без «неофициальной» части, включающей коллективное застолье с распитием специально приготовленного по такому случаю самогона или браги. Особенно широкое распространение это имело до первого массового укрупнения колхозов (1950 г.), когда большинство из них объединяло хорошо знавших друг друга односельчан, а зачастую – и родственников. Статистика привлечения к уголовной ответственности за изготовление самогона свидетельствует о масштабах явления, но не об эффективности борьбы с ним. 7 апреля 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона», согласно которому изготовление, хранение, сбыт самогона и самогонных аппаратов предусматривали лишение свободы от шести до семи лет ИТЛ с конфискацией имущества, а изготовление самогона «без цели сбыта» – от одного до двух лет ИТЛ с конфискацией самогона и оборудования для его производства [5]. В четвёртом квартале 1949 г. в Смоленской области за изготовление и продажу самогона было привлечено к уголовной ответственности 233 чел., в том числе 8 председателей колхозов, изъято 117 самогонных аппаратов, 572 литра самогона и 617 вёдер барды, на приготовление которых

пошло 2 256 кг хлеба, 2 895 кг картофеля и 19 кг сахара. За весь год за самогонварение в области было привлечено 904 чел. Во многих районах самогон продавался из-под полы, через ларьки сельпо [19, д. 1085, л. 83, 84, 85]. В 1952 и 1953 гг. за изготовление и продажу самогона милицией на Смоленщине было привлечено к ответственности 1 278 чел. [Подсчитано по: 19, д. 1777, л. 245-246; 20, д. 51, л. 6].

Таким образом, в первые послевоенные годы официальная праздничная культура концентрировалась в райцентре, почти не затрагивала село вследствие редкости праздничных дат и слабого охвата праздничными мероприятиями большинства сельского населения. Связь политики внедрения советских праздников и их рецепции носила по преимуществу однонаправленный характер: село должно было следовать спускаемому сверху канону, усвоение которого часто происходило нелегитимными или не поощрявшимися властью способами.

С середины 1950-х гг. под влиянием десталинизации и ослабления административного нажима на село советский праздник выходит за пределы официальных сельских учреждений и становится более массовым. Государство начинает уделять больше внимания «управлению» его восприятием, вовлечению в него как можно большего числа участников. Акцент на развлекательном компоненте массовых мероприятий отчетливо проявляется в политико-воспитательной работе комсомола [65]. Элементы традиционной праздничной культуры деревни (традиционные игры, песни, пляски, соревнования, катание на тройках, общее гуляние, коллективные и семейные застолья и т.д.) целенаправленно сочетаются с компонентами советского торжества (митинг, подведение итогов социалистического соревнования, выставки, «парады» сельхозтехники, выступления коллективов художественной самодеятельности и т.д.), выступая катализатором его рецепции. Формируется цикл праздников локального (сельского, районного и регионального) уровня и сельской социально-производственной и культурной тематики. Большинство из них были сезонными и претендовали на замещение религиозных праздников. Речь об этом шла в 1957 г. на Всероссийском совещании по вопросам культурно-просветительной работы в деревне [29, с. 12]. Газета «Известия» 16 декабря 1956 г. опубликовала очерк, рассказывающий о празднике «обжинок» в колхозах Украины. В нем сообщалось, что в деревне уже «забыли» религиозные торжества, но у колхозников нет ни выходных, ни «своих» праздников, как у шахтёров, строителей и др. Автор очерка призвал отделять религию и народные обряды, так как «не всё то плохо, что старо», массово праздновать День урожая или День хлебобоба, восстановить праздник Ивана Купала, отмечать День леса и т.д., создать новые свадебные обряды [76]. К возрождению и обогащению «того хорошего, что было в русских народных гуляньях», призвала культурно-просветительная литература [39, с. 50; 44, с. 37, 41; 50, с. 7-8].

Публикации в прессе отразили начало формирования традиции празднования Дня урожая, Праздника первой борозды, Юбилея колхоза, Праздника зелёного друга, Праздника русской зимы, Вечеров трудовой славы, Дня агронома, зимних межколхозных гуляний, праздников песни, физкультурных и спортивных праздников, сельских и районных фестивалей сельской молодёжи, сценарии которых специально разрабатывались работниками культуры, физкультуры и спорта, активистами, сотрудниками областных Домов народного творчества [2, с. 39-40; 6, с. 43-46; 27, с. 31-32; 38, с. 37-38; 39, с. 49-52; 42, с. 31-32; 43, с. 14-16; 44, с. 37-41; 48, с. 46-48; 49, с. 44-45; 53, с. 17; 79, с. 28-29; 81, с. 33].

Основой большинства сельских праздников являлись знакомые местному населению торжественная часть, выступления коллективов художественной самодеятельности, а также традиционные массовые игры и состязания. Например, зимнее межколхозное гулянье, собравшее в конце 1956 г. население четырёх колхозов (19 сёл) Туношенского сельсовета Ярославской области, состояло из митинга, на котором выступил секретарь РК ВЛКСМ, праздничного санного поезда, катания с гор, лыжной эстафеты, стрельбы из малокалиберной винтовки, спортивных аттракционов, выступлений художественной самодеятельности, праздничного костра [44, с. 37-41]. Программа Праздника русской зимы в с. Саввино Кунцевского района Московской области и колхозе «Родина» Гаврилов-Посадского района Ивановской области включала как традиционные масленичные развлечения (катание на украшенных тройках, угощение блинами, «ярмарочный столб», вечерний костёр), так и новые (викторины с призами, танцы под радиолу в клубе, спортивные состязания, концерт самодеятельности) [50, с. 61-66]. Рекомендованные журналом «Культурно-просветительная работа» элементы Праздника урожая также имели параллели в традиционной культуре, которые подверглись, однако, театрализации в духе официальных мероприятий. Организаторам советовали начать с подъёма «флага урожая» и принятия рапортов от представителей производственных подразделений хозяйства, свидетельствующих об окончании уборки хлеба и расчете с государством. Далее следовало чествование «снопа-именинника», которым завершалась жатва, и отличившихся на уборке, а также парад сельхозтехники. Торжественная часть на главной площади села должна была смениться танцами и хороводами, а затем – праздничным застольем с угощениями из муки нового урожая. Редакция журнала предлагала предусмотреть на Празднике урожая различные самодеятельные художественные и спортивные выступления [39, с. 49-52].

Следует отметить, что, как и в послевоенные годы, новые сельские праздники первыми входили в традицию досуга населения передовых колхозов, будучи поддержанными сельской школой, сельсоветом, райкомом комсомола, районным отделом и областным управлением культуры, областным Домом народного творчества. Таким был состав организаторов гуляния в Туношенском сельсовете. В Рязанской области в самом начале печально известной «мясной эпопеи» практиковалось проведение праздников животноводов, на которых поздравляли победителей социалистического соревнования. Их программа включала торжественный подъём флага праздника, преподнесение передовикам «пирога славы», совершение ими «круга почёта» по селу на лучшей колхозной тройке и др. [70, с. 7, 8, 9].

Этнографические обзоры показывают постепенное углубление присвоения сельским населением «высоких» государственных праздников (годовщины Октября, 1 Мая) на уровне семейного досуга. Такой праздник становится поводом для приезда городских родственников, домашнего праздничного застолья и гуляния [1, с. 304; 34, с. 81, 82; 60, с. 202]. Рецепция же новых советских сельских праздников протекала сложно. Противоречие между традиционным и официальным в механизме их присвоения стало почвой для скандала, разгоревшегося летом 1956 г. в Рязанской области. В нём рельефно обозначился переходный характер советского сельского праздника, сохранявшего за внешней формой элементы подлежащего вытеснению «пережиточного» содержания. В июле 1956 г. на киноэкраны страны вышел двадцать седьмой выпуск документального киножурнала «Поволжье» Куйбышевской студии кинохроники. Начало его проката ознаменовалось разбирательством, поводом для которого послужили кадры о «кулачных боях» в селе Купля Каверинского района Рязанской области с закадровым комментарием о том, что «только в Рязанской области сохранился такой дикий обычай». Первый секретарь Рязанского обкома КПСС А. Н. Ларионов обвинил кинорежиссёра Г. Аранова и кинооператора В. Косицына, руководивших съёмками, в фабрикации кадров и дикторского текста о якобы произошедшем на сельских гуляниях «кулачном бое», который, по его мнению, был случайной пьяной дракой. Проверка, организованная рязанским руководством, показала, что ежегодно после окончания посевной и до начала сенокоса близ села Купля на берегу реки Цны молодежь окрестных сёл собиралась на гулянье. Так было и 17 и 24 июня 1956 г. Для пришедших были организованы танцы, пение, выступления агитбригад. На празднике присутствовал районный и сельский партийный, советский и колхозный актив. Случайная «пьяная драка», остановленная самими участниками гуляния, была выдана съёмочной группой за «кулачный бой». «Этот оскорбительный фильм, искажающий действительность, вызвал резкое возмущение трудящихся Каверинского района и Рязанской области...», – подчёркивал первый секретарь Рязанского обкома КПСС [57, д. 12, л. 25-26].

17 августа 1956 г. ситуация была обсуждена на заседании бюро Рязанского обкома КПСС, на которое пригласили главного редактора Куйбышевской студии кинохроники, начальника Главного управления по производству кинофильмов Министерства культуры РСФСР, членов бюро Каверинского РК КПСС. Собравшиеся пришли к заключению, что «киножурнал о кулачных боях в селе Купля Каверинского района является вымыслом и клеветой на рязанскую молодёжь, извращает действительность» [Там же, л. 28]. Точку зрения рязанских руководителей поддержал отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР. В результате съёмочная группа Аранова и Косицына была отозвана из Рязанской области, оба они получили по строгому выговору «за извращение действительности и фальсификацию сюжета о куплинской молодёжи в киножурнале "Поволжье"». За «помещение в киножурнале сюжета без проверки» выговор получил и главный редактор студии. Директору киностудии было указано «на необходимость тщательной проверки материалов, помещаемых в киножурнале, и организации контакта в работе с местными партийными и советскими органами», т.е. фактически на необходимость цензуры отснятого материала. Сюжет о куплинской молодёжи был изъят из кинопроката по приказу министерства культуры РСФСР [Там же, л. 31-32]. Спустя чуть более двух лет Бюро ЦК КПСС по РСФСР возвращается к вопросу о неудовлетворительном содержании журналов кинохроники уже в республиканском масштабе. Студии кинохроники РСФСР были обвинены в низком «идейно-политическом и художественном уровне» отснятого материала, который характеризовался как «невыразительный» и «лишенный политической остроты» [67, с. 512].

На основании партийных документов сложно однозначно сказать, что в действительности произошло на берегу Цны в летние дни 1955 г. Однако сами кулачные бои как атрибут сельского праздника в Центральном Нечерноземье второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. фиксировались работниками ЦК ВЛКСМ в Рязанской и Орловской областях [56, д. 675, л. 123, д. 742, л. 99]. В Орловской области эта традиция жила и в середине 1950-х гг. Летом 1955 г. в Орловский обком КПСС поступило письмо военнослужащего, находившегося в отпуске в родном селе Сосковского района. Пообщавшись с местным населением, лейтенант лаконичным «телеграфным» стилем сообщал руководству области о «пережитках» и «культурных потребностях» села: «В населённом пункте Жихаревского сельсовета и прилегающих к нему посёлках... считаю, крайне запущена партийно-политическая работа. Особенно население нуждается в лекции "О международном положении". Научно-атеистическая пропаганда также не ведётся. Население празднует религиозные праздники "Троицу", "Духов день" и другие. Так, например, население 5-6 июля 1955 г. праздновало праздник "Троицу" с массовым выходом почти всего населения на луг (в район села Жихаревка), где устраивают мордобитие от малого до великого, "кулачки". Одно село на другое. Имеются бабки-гадалки. Не чувствуется спортивно-физкультурной работы. Не видно работы комсомольской организации. Все окружающие посёлки Жихаревского сельсовета, а также само село Жихаревка не имеют клуба для культурного отдыха колхозников...» [21, д. 224, л. 213].

Таким образом, в середине 1950-х гг. в деревне Центрального Нечерноземья только начиналось складывание цикла советских сельских праздников, дополнявших ряд «высоких» государственных и революционных торжеств и дней международной солидарности. Их пионерами выступали колхозы, сельсоветы и районы с передовой по меркам того времени экономикой. Новые сельские праздники, внедряемые при помощи элементов традиционной праздничной культуры, часто воспроизводили сценарий «пережиточных» торжеств. Однако сам факт выделения администрациями колхозов, сельсоветов, районной властью от одного до нескольких полностью свободных от работы в общественном хозяйстве дней для «организованного отдыха» свидетельствовал о нарастании тенденции вытеснения «пережитков» в культуре досуга новыми формами коллективного проведения свободного времени. Её подпитывали спорадические попытки укрепить материальную базу сельских учреждений культуры, наполнить их техническими средствами трансляции важных для власти культурных образцов и оживить работу с населением.

С конца 1950-х – начала 1960-х гг. подоплёкой утверждения новых советских традиций становится риторика «перехода к строительству коммунизма», который должен был совершаться не только в праздничной культуре, но и в быту, семейной и личной жизни, повседневности трудовых коллективов. Государство формирует «заказ» на систему советской обрядности, «тотально» охватывавшую разные стороны общественной и частной жизни, на уровне самой традиции вытеснявшей основного соперника – религиозную праздничную культуру и обрядность.

Призывы клубам «не проходить мимо радостных событий в колхозных семьях», отмечать награждение передовиков, юбилеи, свадьбы, возвращение в родное село после учёбы молодых специалистов начали звучать на Всероссийском совещании по вопросам культурно-просветительной работы в деревне и в прессе ещё в 1957 г. [29, с. 11-12]. Новое «Положение о сельском клубе» предусматривало проведение на его базе «революционных праздников, трудовых общественных и индивидуальных юбилеев, знаменательных дат из истории колхоза, совхоза, МТС и других событий в жизни трудящихся села», организацию «вечеров, посвящённых проводам молодежи в Советскую Армию, встречи с воинами армии и флота», а также организацию фестивалей, праздников песни, смотров художественной самодеятельности и т.п. [41, с. 167]. Шире практиковать тематические вечера, посвящённые «партии, Родине, строителям коммунизма, дружбе народов, чествованию передовиков производства, встречам бригад коммунистического труда, вручению паспортов, выбору профессии, проводам в Советскую Армию», праздники урожая, животноводов, русской зимы и песни рекомендовало клубам постановление республиканской комиссии по проведению Всероссийского общественного смотра работы культурно-просветительных учреждений от 23 декабря 1958 г., а также приказ министра культуры РСФСР № 169 от 11 марта 1959 г. «Об итогах Всероссийского общественного смотра культурно-просветительных учреждений» [Там же, с. 95, 98].

Яркое отражение эти призывы нашли в вытеснении традиции празднования местных религиозных праздников новыми сельскими праздниками и попытках утверждения гражданских обрядов наречения имени новорождённому, вручения паспорта гражданина СССР, торжественного получения первой зарплаты, торжественной регистрации брака, комсомольской свадьбы. В середине 1958 г. ЦК ВЛКСМ направил в ЦК КПСС и СМ СССР письмо, в котором, сославшись на поступившие «многочисленные предложения» по «возобновлению некоторых элементов старого и улучшению современного ритуала свадьбы», констатировал «забвение многих старых обычаев», в значительной мере не имевших «никакого отношения к церкви и религии». В письме отмечалось «оказанность» процедуры регистрации брака в органах ЗАГС вследствие их долгого подчинения органам МВД и разрыва «связи с общественными организациями». «Скучность и неторжественность» регистрации брака подталкивали часть новобрачных к его «скреплению» венчанием в церкви [56, д. 940, л. 1, 4, 5]. Необходимость «придания большей торжественности» процедуре регистрации брака подчеркивалась и на состоявшемся в апреле 1958 г. XIII съезде ВЛКСМ [69, с. 37-38].

Примером привлечения общественности к выработке новых советских торжеств стал опыт проведения «комсомольских свадеб», являвшихся, по мнению комсомольского руководства, «большим праздником для молодежи» и имевших «большое воспитательное значение». Часть расходов по их проведению должны были взять на себя колхоз и комсомольский актив. При разработке сценария свадьбы её организаторы старались «взять всё хорошее и красивое от старого свадебного обряда, отбросив его религиозное содержание». Вместо церкви и домов жениха и невесты, где после венчания устраивалось свадебное застолье, центром комсомольской свадьбы выступал клуб. Здесь происходила регистрация брака и свадебное гуляние, организованное комсомольцами, работниками культуры и активом. Руководство комсомола предлагало создавать при районных бюро ЗАГС и сельсоветах комиссии общественности, которые содействовали бы органам ЗАГС в работе и «несли определённую ответственность за регистрацию брака и создание новой семьи», а также принять как закон новый ритуал регистрации брака [56, д. 940, л. 7, 8, 11, 12]. В прессе и литературе о новых советских праздниках и обрядах публиковались примеры сценариев комсомольских свадеб [26, с. 35-36; 50, с. 105-115; 66, с. 50-53].

В ЦК ВЛКСМ разработали также проект указа Президиума Верховного Совета СССР «О придании торжественности акту вступления в брак и мероприятиях по улучшению жилищно-бытовых условий молодожёнов», «Примерный порядок бракосочетания» и «Некоторые предложения по свадебному ритуалу», причём последние, как видно, во многом исходили из опыта проведения «комсомольских свадеб». Согласно «Предложениям», свадьба должна была начинаться со сватовства, в котором принимали бы участие «близкие жениху и невесте» люди: сотрудники, руководители цеха, предприятия, учреждения. На них и на родителей новобрачных возлагалась подготовка свадьбы. Важная роль отводилась приготовлению невестой приданого, накоплению ей и женихом некоторой суммы на приобретение предметов домашнего обихода, в чём также требовалась помощь не только родителей, но и «хозяйственных руководителей и профсоюзной организации». Перед свадьбой невеста устраивала девичник. Брак регистрировался в ЗАГСе в присутствии «сватов и близких». Прибытие молодожёнов на свадебное застолье сопровождалось пением «величальных песен», а сам свадебный вечер должен был сопровождаться «музыкой, песнями, танцами, шуточными играми и представлениями, соответствующими этому событию» [56, д. 940, л. 29-29, 31-32, 93-95].

Подготавливая изменение свадебного ритуала, ЦК ВЛКСМ обратился к материалам этнографических экспедиций 1956-1958 гг. в передовые колхозы Бежецкого, Весьегонского, Краснохолмского и Сандовского районов Калининской области. Выяснилось, что в них была довольно высокая стойкость традиционного предбрачного и брачного обрядов. Брак, оформленный в ЗАГСе, считался в деревне окончательно заключённым только после того, как была «сыграна свадьба», которая, как и прежде, привлекала внимание всего села. «Глядеть на свадьбу» приходила «вся деревня». Лучшая сохранность традиционных свадебных обрядов

отмечалась в местностях, где до революции дольше сохранялось натуральное хозяйство, а в послевоенные годы – в удалённых от центра колхоза и сельсовета. При этом посемейная перепись в обследованных колхозах показала редкость венчания и зависимость частоты его совершения от доступности действующей церкви (по данным Совета по делам РПЦ при СМ СССР, количество обрядов венчания было невелико и составляло в среднем по областям Центрального Нечерноземья от нескольких десятков до нескольких сотен в год. В 1960 г. в этих регионах обвенчалось от 0,3 до 7,5% новобрачных, в 1961 г. – от 0,35 до 7,2% (в Смоленской области – 0,07%) (подсчитано по: [23, д. 263, л. 140, 141, 142])). Изменился и сам «свадебный календарь»: свадьбы в деревне стали совершаться независимо от времени года, хотя чаще зимой, так как «это время свободно от полевых работ». Отмечалось и сохранение традиции не устраивать свадьбы в периоды, совпадающие с постами. На деревенскую свадьбу, продолжавшуюся 2-4 дня, расходовалось 4-5 тыс. рублей. Свадебный стол состоял не только из традиционных угощений, но и из вина и «городских закусок». Причину стойкости традиционного свадебного ритуала этнографы также находили в отсутствии «новых свадебных традиций», которые «отражали бы новый характер семейных отношений». В качестве попытки его утверждения приводились «комсомольские свадьбы» конца 1950-х гг., организуемые на предприятиях Калинин и других городов области [1, с. 221-232; 56, д. 940, л. 118-137]. Сходные изменения в свадебном обряде отмечались и на селе Рязанской области [34, с. 82-83; 60, с. 206-207].

Однако новые обряды не приживались так, как хотелось бы их инициаторам, и требовали значительных государственных и колхозных средств. В начале 1961 г. в отдел комсомольских органов ЦК ВЛКСМ поступило многостраничное письмо работника аппарата Ленинского РК ВЛКСМ Тульской области, в котором в числе прочего рассказывалось об организации комсомольской свадьбы по инициативе секретаря РК ВЛКСМ, решившего таким образом «всколыхнуть жизнь районной комсомольской организации». Свадьба двух секретарей первичных комсомольских организаций состоялась в посёлке близ районного центра. Для сбора средств «на машинке отпечатали билеты по 2-3 рубля, чтобы в клубе провести платные танцы, концерты художественной самодеятельности. Комсомольцы этих организаций потрудились на совесть, ведь всё-таки комсомольская свадьба их товарищей. Провели танцы, концерты, собрали деньги...», которые, как и подарок от райкома комсомола, были переданы жениху. Секретарь РК ВЛКСМ прибыл на свадьбу на специально выделенном по такому поводу «Москвиче» директора одного из предприятий в сопровождении редактора районной газеты. «Наступил день свадьбы – 14 января 1961 года. Вы думаете, на свадьбе гуляют комсомольцы, товарищи, подруги жениха и невесты, те, кто трудился и хотел устроить действительно комсомольскую свадьбу? Нет. Кроме жениха и невесты, да [секретаря РК ВЛКСМ] там нет ни молодёжи, ни комсомольцев. Это празднество проходит в доме жениха, когда для этого есть клубы. Обыкновенная деревенская свадьба, собрались дедки, бабки, тётки и прочие, только не молодёжь. <...> Работники райкома не то что были приглашены на свадьбу, но даже не все об этой свадьбе и знали...», – сообщалось в письме. Участие в свадьбе представителей районного руководства автор письма оценила лаконично: «Приехали, произнесли поздравительную речь, напились и поехали обратно» [77, д. 1028, л. 55, 55 об. – 57, 66].

О другом таком же «мероприятии» ходили слухи по всему Белёвскому району области как о «величинской свадьбе», состоявшейся в колхозе им. Щербакова («под охраной милиции») и собравшей более двухсот гостей, в том числе руководство района и почти всех председателей колхозов. Замуж выходила дочь председателя колхоза – знатная доярка, «возвеличенная», по мнению авторов анонимных писем в ЦК КПСС, районными и областными руководителями за «дутые» рекордные надои молока. Первый секретарь райкома «хотел выстроить отдельный дом» виновнице торжества, но «вероятно, посовестился». Для праздничного стола колхоз выделил 17 поросят, 163 кг говядины, около 60 голов птицы и 2 тыс. рублей. Проверкой, которую провёл Тульский обком КПСС, было установлено, что правление колхоза в октябре перечислило для «комсомольской свадьбы», проводившейся по инициативе Тульского обкома комсомола, 1 тыс. рублей. Кроме того, сам обком комсомола перевел Белёвской межрайонной торговой конторе 5 тыс. рублей, 1,5 тыс. из которых было выплачено колхозу за 16 поросят и 150 кг мяса для свадебного застолья [76, д. 78, л. 262-263, 247, 254].

Опыт проведения «комсомольских свадеб» во второй половине 1950-х – середине 1970-х гг. показал их нежизнеспособность как обряда (что признавалось даже в официальной литературе), так как, неся в себе черты «показательного мероприятия», они требовали значительных государственных и общественных средств, а доминирующая роль общественности приводила к отстранению от свадебного ритуала родственников новобрачных, которые устраивали «свою» семейную свадьбу, включавшую элементы традиционной обрядности [66, с. 168-169].

Кроме «организованно» внедряемых в жизнь колхозного села новых гражданских обрядов, подобных «комсомольской свадьбе», этнографами фиксировалось утверждение в семьях колхозников торжеств, связанных с такими событиями, как рождение детей, день рождения члена семьи, новоселье, проводы в армию, приезд из города родственника и т.д., лишённых какого-либо религиозного смысла [1, с. 219-221].

Преодолению религиозности должны были содействовать и советские сельские праздники. Попытки «окончательного» замещения ими религиозного праздничного календаря получили широкое распространение во время проведения «комсомольской двухлетки культуры» (1958-1960 гг.). Её начало совпало со стартом общесоюзной кампании по массивному наступлению на церковь и религию, в рамках которой воплощался «комплекс мер» по закреплению на службе новой праздничной культуры элементов религиозного праздника. Они включали принятое «всем миром» решение о его проведении, знаменательный повод (часто совпадавший с датой местного престольного или «двунадесятого» праздника), торжественную часть, гостевание,

застолье, гулянье и ярмарку. В середине 1958 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Калининской области Хевронов отмечал: «В области проводится большая работа по прекращению отмечать отдыхом, гуляньем и т.п. религиозные праздники. Проводимую работу, принятые на общих собраниях сёл и деревень решения, что такие-то религиозные праздники отмечаться отдыхом, гулянием и т.п. не будут, широко освещает печать – областные и районные газеты. В них колхозники оповещают своих родственников, чтобы они не приходили в эти дни в гости и не мешали бы колхозной работе...» [22, д. 1159, л. 44]. Постепенное забвение обычая гостевания на престольные праздники после закрытия церкви подтверждается воспоминаниями современников [63, с. 108-110].

Во многих районах Ивановской, Калининской, Смоленской, Калужской и Костромской областей райкомы, горкомы ВЛКСМ, учреждения культуры организовывали зимние и летние праздники и массовые гуляния молодёжи, стремясь интегрировать «внешнюю» сторону традиционной обрядности в новую праздничную традицию. Новые сельские праздники следовали ритму сельскохозяйственных работ и смене времён года, а также формировали собственный ритм: отмечались праздники зимы и весны, окончания весеннего сева и урожая, праздник животноводов, день рождения бригады, день советской молодёжи, праздники на Волге, праздники русской берёзки и зелёного друга, маёвки, проводились районные фестивали молодёжи, проводы в армию, праздники совершеннолетия и т.п. Зимние колхозные, «кустовые» (на 2-3 соседних колхоза), районные праздники сопровождалось катанием на тройках и санных поездах с участием скоморохов в «разнообразных костюмах в стиле русских обычаев». На весенних праздниках, проводившихся на природе, организовывались выступления художественной самодеятельности, спортивные состязания и игры [1, с. 303-310; 56, д. 1014, л. 137, д. 1015, л. 83, 110, д. 1016, л. 61].

Много материалов, обобщающих опыт организации и проведения массовых праздников, появлялось в прессе. В отличие от более ранних публикаций, большинство из них представляли собой уже не очерки о мероприятиях, а советы по организации и краткие «типовые» сценарии. Их авторами были профессиональные режиссёры, балетмейстеры, спортсмены, специалисты по организации игрового досуга и др., что также свидетельствовало о стремлении к тиражированию новой праздничной культуры [4, с. 23-24; 7, с. 46; 8, с. 52-59; 9, с. 29-31; 24, с. 41; 28, с. 47; 31, с. 20-21; 33, с. 56-61; 36, с. 31-32; 45, с. 22-25; 46, с. 20-21; 52, с. 54; 59, с. 3-7; 61, с. 20; 71, с. 20-22; 73, с. 22-23; 74, с. 20-23; 75, с. 34-38; 80, с. 19].

Показательное вытеснение традиции религиозного праздника колхозным гулянием было организовано в колхозе «Совет» Шарьинского района Костромской области. «Штабом», координирующим приготовление, стал партком колхоза. Докладная записка его секретаря в ЦК КПСС по РСФСР позволяет проследить ход организации и проведения нового «общеколхозного праздника». Колхоз «Совет» объединял 72 населённых пункта (1860 дворов, 2800 чел. трудоспособного населения). Колхозники, проживавшие на его территории, справляли 39 престольных праздников, каждый из которых отмечали в среднем 500 чел., пропускаемая из-за этого по 3-4 рабочих дня, колхоз же терял около 80 тыс. человеко-дней (что составляло в материальном выражении около 3,7 млн руб. в год).

Масштаб и план «мероприятия» делает сомнительным тот факт, что инициатива его проведения исходила от парткома, на который местные партийные органы лишь возложили «подготовительную работу» в населённых пунктах. В архиве отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ сохранилась справка, содержащая анализ обязательств региональных организаций ВЛКСМ в рамках «похода комсомола за культуру» 1958-1960 гг., а также первых результатов их выполнения. Обобщив полученные данные, сотрудники отдела предложили провести в ЦК ВЛКСМ совещание с участием представителей министерств культуры СССР и РСФСР, ВЦСПС и других заинтересованных организаций, а также «помочь» в организации «похода» ряду региональных организаций ВЛКСМ, в том числе и Костромскому обкому комсомола, направив на места комплексные бригады ЦК ВЛКСМ, министерств культуры СССР и РСФСР, ВЦСПС и Центрального дома народного творчества [55, д. 975, л. 11].

Подготовка к празднику в «Совете» предполагала выдачу колхозникам накануне заработной платы, обеспечение возможности приобретения продуктов для праздничного стола, «не ограничивая их для этой цели в транспорте», а также организацию выездной торговли магазинов г. Шарьи и района. План «поддержал» Шарьинский горком КПСС. Партком «разъяснил» населению, какие потери колхоз несёт из-за массовых невыходов на работу в дни религиозных праздников, сообщив план борьбы с ними. Колхозники «хорошо поняли линию партийного комитета»: в партком стали поступать индивидуальные и коллективные заявления с просьбой установить единый общеколхозный праздник и отказаться от религиозных. Было организовано общее собрание Власихинского производственного участка, на котором колхозники «решили» больше не справлять религиозные праздники, написав письма родным и знакомым, чтобы они, если желают, приезжали в гости в день общеколхозного праздника 18 июня, а в религиозные праздники они сами никуда не пойдут и принимать гостей не будут. 22 мая 1961 г. это решение было поддержано на открытых партийных и комсомольских собраниях и общих собраниях прочих участков и бригад.

Одновременно был установлен осенний колхозный праздник, приуроченный к 5 декабря – Дню Конституции. «Решения» колхозных собраний были опубликованы в районной газете «Шарьинская коммуна», газете соседнего Ветлужского района Горьковской области и переданы по местному радио. Партком и правление колхоза с помощью Шарьинского горкома КПСС и горисполкома «полностью удовлетворили запросы колхозников праздничной торговлей»: в день праздника в колхозе состоялась ярмарка, на которой работали 47 магазинов и 29 палаток из Шарьи и Ветлуги. В «Совет» прибыла делегация соревновавшегося с ним колхоза

«Молодая гвардия» Шарьинского района. Её представители и члены правления и парткома колхоза «Совет» на митингах рассказывали об итогах соревнования, задачах в преддверии XXII съезда КПСС, поздравляли лучших работников. Перед колхозниками выступили одиннадцать коллективов художественной самодеятельности, устраивались физкультурные состязания и массовые игры. Торжества посетили многие родственники и знакомые членов колхоза, ранее гостившие в дни престольных праздников. В результате колхозники «Совета» пропустили в летнюю страду 1961 г. неотмеченными одиннадцать религиозных праздников, что «позволило эффективно решать хозяйственные вопросы» [Там же, д. 96, л. 90-97].

Таким образом, особенностью конца 1950-х – начала 1960-х гг. в процессе утверждения на селе Центрального Нечерноземья советской праздничной культуры становится широкое распространение цикла массовых сельских праздников, с которыми смыкались попытки внедрения новой гражданской обрядности, охватывавшей ключевые события в трудовой, семейной и личной жизни человека, а также создание под них организационной и материальной базы [25, с. 79, 175, 181, 201, 204; 66, с. 180, 182, 185, 209-211, 210]. Новые праздники и обряды начинают действовать как многоуровневая советская праздничная культура, стремящаяся к «тотальному» охвату разных сторон жизни советского человека и соперничающая с религиозной праздничной культурой и обрядами. Устанавливается более тесная взаимосвязь между политикой по внедрению советского праздника и его рецепцией на основе включения «приемлемого» старого, что сопровождается окончательное размытие традиционной праздничной культуры деревни Центрального Нечерноземья в эти годы.

Список литературы

1. Анохина Л. А., Шмелёва М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Наука, 1964. 352 с.
2. Антошкина Д., Большаков Е. Праздник песни в Шацке // Культурно-просветительная работа. 1954. № 8. С. 39-40.
3. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930-1980-е годы: тезисы научного доклада. Вологда: ООО ИПЦ «Легия», 2003. 36 с.
4. Блюм В. Новые традиции – школа воспитания // Клуб. 1962. № 10.
5. Ведомости Верховного Совета СССР. 1948. № 14.
6. Володин В. Клуб готовится к фестивалю // Культурно-просветительная работа. 1957. № 2. С. 43-46.
7. Вурос Д. Бал «Серп и молот» // Культурно-просветительная работа. 1958. № 5.
8. Глязер С. Праздник на воде // Культурно-просветительная работа. 1959. № 6.
9. Глязер С. Русская зима // Клуб. 1958. № 9.
10. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. 28. Оп. 15.
11. ГАДНИКО. Ф. 38. Оп. 12.
12. ГАДНИКО. Ф. 40. Оп. 13.
13. ГАДНИКО. Ф. 40. Оп. 15.
14. ГАДНИКО. Ф. 50. Оп. 4.
15. ГАДНИКО. Ф. 50. Оп. 9.
16. ГАДНИКО. Ф. 50. Оп. 30.
17. ГАДНИКО. Ф. 2264. Оп. 16.
18. ГАДНИКО. Ф. 2264. Оп. 24.
19. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 2.
20. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3.
21. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. П-52. Оп. 323.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1.
23. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2.
24. День рождения бригады // Культурно-просветительная работа. 1961. № 8.
25. Закович Н. М. Советская обрядность и духовная культура / отв. ред. Е. К. Дулуман. Киев: Наукова думка, 1980. 220 с.
26. Захарова Е. Комсомольская свадьба // Культурно-просветительная работа. 1959. № 7.
27. Игнациус Г. День урожая // Культурно-просветительная работа. 1955. № 9. С. 31-32.
28. Ильинский И. Не забудьте о карнавальной ночи // Культурно-просветительная работа. 1958. № 5.
29. К новому подъёму культурно-просветительной работы на селе // Культурно-просветительная работа. 1957. № 6. С. 9-13.
30. Кабанов П. И. Очерки культурно-просветительной работы в СССР в послевоенные годы: 1946-1953 гг. / отв. ред. В. Е. Быстров. М.: Госкультпросветиздат, 1955. 133 с.
31. Каленский И. Праздник урожая // Культурно-просветительная работа. 1959. № 8.
32. Келли К., Сиротинина С. «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // Антропологический форум. 2008. № 8.
33. Конников А. Праздник русской зимы // Культурно-просветительная работа. 1959. № 1.
34. Кораблино – село русское / отв. ред. и рук. авт. колл. проф. В. И. Селиванов. М.: Советская Россия, 1961. 176 с.
35. Культурно-просветительная работа на селе: сборник материалов в помощь работникам сельских культурно-просветительных учреждений. М.: Московский рабочий, 1950. 430 с.
36. Левин И. Майская эстафета // Клуб. 1961. № 3.
37. Левин И. Праздник первой борозды // Клуб. 1961. № 2. С. 8-9.
38. Ленков Н. Праздник песни // Культурно-просветительная работа. 1955. № 8.
39. Лилин С. Праздник урожая // Культурно-просветительная работа. 1957. № 7.
40. Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.
41. Материалы по культурно-просветительской работе: сборник. М.: Советская Россия, 1959. 301 с.
42. Нагиряк Е. Сельский карнавалы вечер // Культурно-просветительная работа. 1956. № 9.
43. Петрова В. По поводу одного праздника песни // Культурно-просветительная работа. 1953. № 8.

44. Петрова З. На колхозном гулянии // Культурно-просветительная работа. 1957. № 3.
45. Пимкина А. Праздник советской молодёжи // Клуб. 1961. № 4.
46. Пимкина А. Праздник урожая // Клуб. 1961. № 7.
47. Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / пер. с нем. И. Карташевой. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 416 с.
48. Полухин К. Спортивный праздник на селе // Культурно-просветительная работа. 1954. № 6.
49. Праздник урожая // Культурно-просветительная работа. 1957. № 9.
50. Праздники на селе: сб. статей / сост. Н. И. Афанасьева. М.: Советская Россия, 1958. 115 с.
51. Праздники, рождённые жизнью: сборник. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1980. 223 с.
52. Проводы зимы // Культурно-просветительная работа. 1961. № 1.
53. Рахманин Б. Фестивали ежегодно // Культурно-просветительная работа. 1957. № 7.
54. Рольф М. Государские массовые праздники / пер. с нем. В. Т. Алтухова. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
55. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 34.
56. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 32.
57. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16.
58. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 11.
59. Русская берёзка / сост. И. Я. Щемакин. Воронеж, 1964.
60. Рязанское село Кораблино (история, экономика, быт, культура, люди села) / рук. авт. колл. проф. В. И. Селиванов // Учёные записки Рязанского гос. педуниверситета. Рязань: Касимовская типография Рязаньполиграфиздата, 1957. Т. XVIII. 437 с.
61. Саватеева Г. Праздник урожая в совхозе // Клуб. 1962. № 8.
62. Самодеятельное художественное творчество в СССР: очерки истории: конец 1950-х – начало 1990-х гг. / ред. Л. П. Солнцева, М. В. Юнисов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 469 с.
63. Севастьянова А. А. Жизнь в центре рая: советский райцентр 50-х – 60-х годов XX века. М.: Древлехранилище, 2008. 136 с.
64. Слезин А. А., Беляев А. А. Система политического образования молодежи в российской провинции 1945-1954 гг. [Электронный ресурс] // *NB: проблемы общества и политики*. 2013. № 1. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_265.html (дата обращения: 10.12.2013).
65. Слезин А. А., Ванин В. А. Эволюция идейно-воспитательной работы комсомола в середине 1950-х годов [Электронный ресурс] // *NB: Исторические исследования*. 2012. № 1. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_261.html (дата обращения: 10.12.2013).
66. Советские традиции, праздники и обряды: словарь-справочник / Н. К. Гаврилюк, А. В. Курочкин, В. Д. Конвий и др.; сост. Б. В. Попов. Киев: Политиздат Украины, 1988. 224 с.
67. Справочник партийного работника / редколл. В. Н. Малин, В. П. Московский, Д. А. Поликарпов, В. Е. Семичастный, М. А. Сиволобов, Я. В. Сторожев, В. М. Чураев. М.: Госполитиздат, 1959. Вып. 2. 839 с.
68. Суглобов Г. Поговорим о венчании // Культурно-просветительная работа. 1959. № 9. С. 50-53.
69. XIII съезд ВЛКСМ: стенографический отчет. М.: Молодая гвардия, 1958. 360 с.
70. Турбин Н. Разжигать соревнование! // Культурно-просветительная работа. 1957. № 8. С. 6-9.
71. Федорченко В. Праздник русской зимы // Клуб. 1962. № 2.
72. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. Л. Ю. Панфиной. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.
73. Хабаров И., Носорев В. Проводы русской зимы // Клуб. 1961. № 12.
74. Хенкин М. С такими людьми догоним Америку // Культурно-просветительная работа. 1958. № 2.
75. Холфин Б., Двинский Э., Гаврилов С. Новогодний бал // Клуб. 1958. № 10.
76. Центр новейшей истории Тульской области (ЦНИТО). Ф. 177. Оп. 32.
77. ЦНИТО. Ф. 188. Оп. 1.
78. Цюпа И. О сельских буднях и праздниках // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1956. 16 декабря.
79. Ширшов В. О празднике песни в Рязани // Культурно-просветительная работа. 1954. № 8.
80. Школьников В. Народное гулянье // Клуб. 1961. № 7.
81. Шувалов В., Круглов В. День агронома // Культурно-просветительная работа. 1956. № 3.

SOVIET HOLIDAYS AND CEREMONIES IN COUNTRYSIDE OF CENTRAL NON-BLACK EARTH REGION OF 1945 – THE BEGINNING OF THE 1960S: SPREADING AND RECEPTION BY POPULATION

Kometchikov Igor' Vyacheslavovich, Ph. D. in History
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
kometchikov.igor@mail.ru

The article studies the dynamics of the soviet holidays and ceremonies spreading in the countryside of the Central Non-Black Earth region in 1945 – at the beginning of the 1960s in terms of the relation of their promotion policy and reception by population. Special attention is paid to the analysis of the factors that influenced the change of this relation ranging from the soviet holiday canon directive translation in the early postwar years to the merge of traditional and new in official holiday culture at the turn of the 1950-1960s.

Key words and phrases: Central Non-Black Earth region village; soviet holidays and ceremonies; official holiday reception; culture of soviet countryside; daily routine; authority.